

Начинаю свой обзор публикаций поэтов диаспоры в летних номерах литературных журналов со стихотворения *Владимира Гандельсмана*, вышедшего в «**Новом Журнале**» (n°300, 2020), которое поразило меня своей простотой и вместе с тем – вознесением на небывалую высоту, достичь которой по силам только молитвам. Стихотворение написано сквозь детскую оптику, в том смысле, что смерть показана чем-то таким, чего можно избежать. Всё в этом тексте работает на упрощение, и рифмы «никогда-навсегда», и повторы «не дай ей смерти» но напряжение между строками рождает катарсис, и читатель выходит из стихотворения очищенным.

* * *

когда я жил ее любя
и с нею слитно
я повторял внутри себя
свою молитву
не дай отчаяться строкой
и поразиться
что кто-то дольше чем другой
под небом длится
не дай ей смерти никогда
чтобы на свете
она осталась навсегда
не дай ей смерти

Прекрасна подборка *Марины Гарбер*, также вышедшая в «**Новом Журнале**» (n°300, 2020), в которой сиюминутное и, на первый взгляд, случайное вдруг становится вечным. Повседневность этих стихов глубоко поэтична, лица и события сменяют друг друга, словно в калейдоскопе, и порой кажется, что эти стихи не успевают за собственным дыханием – так много нужно сказать, так необозримо и обширно бытие. Взволнованное, неравнодушное вглядывание в жизнь, внимательность к деталям, драматичность – всё это присуще поэзии Марины Гарбер.

* * *

Темны дела твои, тихи дворы,
от груза освобождены амбары,
и грузчика зовет в тартарары
звнящее сопрано стеклотары,
в него палят без промаху дома
промасленными выстрелами кухонь,
округлая – о ком? о ком? – зима
влетает в рот и вылетает в ухо.

В такие дни (для них в календаре
просвета не оставили осадки)
снег превращает город в лазарет,
где грузчика обветрившийся след –
как на халате докторском заплатки,
а вдоль спины – морозец от догадки:
свободы нет, но есть отбой и свет.

Когда, – я говорю, – в такие дни
мы из себя стремительно выросли
в палате общей, смертны и одни
в сугробах перепаханной постели,
нас коридорной лампочки накал
не освещал и расточался мимо
плывущих по волнам неисцелимых
внутри запотевающих зеркал.

И всяк хотел из проруби окна
глазами черпать окуней молчания,
быть первенцем, придумывать названия
лекарствам, а медсестрам – имена,
копить и перемалывать руду
порыва, еле-шороха, движения, –
преображать всю эту ерунду:
болезнь – в покой, и слезы – в утешение.

Интересно и стихотворение *Минны Ямпольской*, напечатанное в журнале «**Prosōdia**» (n°12, 2020). Здесь тоже царит безвремяе: взгляд хоть и ретроспективен, но направлен словно бы с другой стороны бытия, где слова уже не так важны (/мне нечего сказать отсюда/). Это очень лаконичные, отстранённые и выверенные стихи, где смыслы отфильтрованы и случайности исключены. Но девочка – была, и это оставляет надежду.

* * *

В сухом остатке косточка от вишни,
затяжка сигареты, голоса,

так много лиц, проходят ваши лица,
я помню всех, мне нечего сказать
отсюда, я почти окаменела,
замкнулся круг,
кому какое дело,
я пела вам,
я так давно не пела.
И был ли мальчик?
Девочка – была.

В рубрике «Стихи о прошлом и о жизни, поставленной на паузу» вышедшей в журнале «Вестник Европы» (n°53, 2020) также представлены стихи *Бахыта Кенжеева*. Это очень плотные тексты, в которых культурная память и классическое звучание сталкиваются на стыке между сиюминутным и вечным. Коронавирус как «масленица многотрудной смерти» и опустевший город с его «амбарными замками на модных лавках» существуют словно бы вне времени, тем не менее, не теряя связи с реальностью.

ПАМЯТИ ВАГИНОВА

Так значит, больше не хвораем мгlistым
искусством, и не бродим в полумасках
по масленице многотрудной смерти,
торжественную музыку слагая
на неизвестном Богу языке.
Не роем землю рогом, не пируем
не путешествуем, лишь в древних саквояжах
храним неслышно тлеющую память,
и слов любви невыразимым девам
не повторяем под небесный смех.
Не выходи один в пустынный город,
не созерцай сквозь пасмурные слезы
амбарные замки на модных лавках,
жандармов молодых в апрельских парках –
и это все, как водится, пройдет.
Пройдет, пройдет – останется добавить,
как оно было сладко и нелепо,
как, в благости вневременного века,
мы раскаленным холодом дышали,
как хорошо нас баловал Господь.

В этой же рубрике и опубликованы стихотворения *Веры Павловой*. «Единение уединения» – какое прекрасное описание для изоляции, когда ошеломленный мир вдруг выдыхает и приостанавливает свой торопливый бег, и человек возвращается к себе,

к давно забытому или отложенному за ненадобностью. Разлука со всем внешним дает возможность возвращения к себе.

* * *

Недописанное переписывай
на бумаге веленовой, рисовой,
недочитанное перечитывай,
из сокровищницы малахитовой
доставай украшенья забытые,
пережившие три поколения,
и в разлуке со всеми испытывай
единение уединения.

В журнале «Волга» (n°7-8, 2020) вышла новая подборка *Олега Дозморова*. Стихи Олега лишены излишнего поэтизма, чуждые вычурности – их язык максимально приближен к разговорной речи. Точность наблюдений, внутренняя честность (перед собой, перед поэзией и миром), приближённость к реальности со всеми её нелицеприятными сторонами, мастерское владение словом – основа поэзии Олега Дозморов. Это стихи о мимолетности жизни, о неотвратимости смерти и о том, что однажды мы все куда-то взлетим и где-то разместимся.

* * *

Я убил мотылька,
что по стенке летел.
Думал, моль. Смерть легка.
Убивать не хотел.

От того мотыльца
вот осталась пыльца
на обоях, труха,
ну совсем чепуха.

И какая-то часть,
ну, практически взвесь,
вдруг куда-то взвилась,
разместилась не здесь.

Стихи *Ларисы Йоонас*, также представленные в журнале «Волга» (n°7-8, 2020), поразительно вещественны, из нескольких строк вырастает выпуклый мир, который можно потрогать и даже ощутить на вкус. Представленное стихотворение напоминает натюрморт, в котором заботливо разложены всевозможные предметы, но это не мертвое пространство – в мире Йоонас предметы живут и дышат. И вопрос о

том, где же кончатся детище, если в пространстве дома мы всегда остаемся постаревшими детьми, остаётся открытым.

* * *

Привычно пробираешься на кухню
стараясь не разрушить пространства спящих
открываешь голубокрылый холодильник
есть ничего не будешь просто посмотреть на сыры и масло
на супы заботливо сваренные полные бледной капусты
давно уже любишь ее и молоко с пенками и творог
и унылый отвесный снег за окном
падающий как дождь проливаемый фонарем
беззвучный телевизор отображает сцену концертного зала
похожую на клавиатуру пишущей машинки
каждая кнопка светящегося попюпитра
невидимым нажатием сохраняет музыку в будущем
музыканты улыбаются можно попробовать угадать название
но снег заметает веки ещё бы ни о чем не думать даже о доме
в котором ты рос и никогда не вырастешь
хоть и упираешься ногами в спинку своей любимой кровати.

Стихи *Насты Заповевой* (журнал «Волга», п°7-8, 2020) крайне интертекстуальны, причём диапазон их интереса невероятно широк: начиная от сказок (лисичкин хлеб), заканчивая Библией и поэзией Серебряного века. Это даже не диалог, а своеобразная переключка: стихотворение наполнено голосами и привычными, но не избитыми, образами, и потому естественно ложится на слух. Это картина предвестия Страшного Суда, но, несмотря на пессимистичность прогнозов, жизнь продолжается, и мы ещё «скрипнем бумагой начерно».

* * *

(лисичкин хлеб)

Придут дни последних запустений.
В. Брюсов

Как там у Брюсова «дни последних запустений»
«придут» так и есть наступили
любые последние наши
денёчки нечего сказать
мёртвые ещё не завидуют живым
но уже жаждут хлеба больше чем золота
и то хлеб хоть и лисичкин
венка на запястье тикает так как будто
взорвётся не сердце оно-то из камня
но будильник

будет и девкам на конфеты
и алтынный под языком
распадётся за ненадобностью
на железный привкус лавровишни и не отданных долгов
поживём ещё
скрипнем бумагой начерно
капнем на коленку замертво
и дождь покроет моё нечестие
камень за камнем размочит
в основании моей могилы камни долги не отданные
платежом красные
рясные

и только в зеркале будет идти снег

Поэзия *Александра Габриэля*, вышедшая в журнале «*Дети Ра*» (n°5, 2020), насыщена образами, на первый взгляд, крайне эклектичными, но, соединённые мастерской рукой, они рожают новые смыслы и значения. Каждая строчка – готовый визуальный ряд, стихотворение не описывает, но словно бы показывает. И, хотя лирический герой настроен пессимистично, но речь, как последнее пристанище во враждебном мире, всё ещё жива. И подтверждение этому – состоявшееся стихотворение Александра Габриэля.

ЭПОХА И РЕЧЬ

И тянулась эпоха – голая, словно плац;
не хватало шагов, и со стенкой сходилась стенка.
А в пепельнице, похожей на пепелац,
дотлевала очередная нетленка.
Утекало время – дождинками в водосток,
и проклятья печать помечала и рок, и диско...
Послевкусие юности – терпкое, как глоток
популярного и дешевого бренди «Плиска».
Каждый миг был, как старый свитер, затерт до дыр;
обезглавленный поезд летел, грохоча на стыках...
А на старом татами возились борцы за мир
с апоплексичным румянцем на дряблых ликах.
Жизнь казалась чужою, взятою напрокат,
но плакаты и гены твердили: нельзя иначе...
Из давно подзапретных далее смотрел закат,
стены наших хрущоб облизывая по-щелячьи.
И, состоя из клаустрофобии и невстреч,
лишь для нас одних беспспорная, словно данность,
в беспросветное время суток рождалась Речь.
Но к утру умирала, словно и не рождалась.

Мне очень нравится наблюдать, как в стихах *Катя Капович* «Дети Ра» (n°5, 2020) бытовое превращается в экзистенциальное. Вот читатель идёт по узкой тропинке стихотворения, ведомый строчка за строчкой, и вдруг выходит из леса, а там – необозримый простор, от которого захватывает дух. Эти стихи произрастают из прошлого столетия, но, насыщенные образами из уже уходящей эпохи, по своей сути, живут вне времени.

* * *

Июля двери нараспашку,
Ползут жуки и муравьи,
Летит пчела в своей тельняшке
И с контрабасами шмели.

По полю гуси ходят цугом,
И мы идем в руке — рука.
За тем новоанглийским лугом
Дорога по лесу легка.

Мы из двадцатого столетья,
Когда под мерный хруст шагов
Ходили, прямо как за смертью,
С мешками толпы грибников.

Вот так вот занятые делом,
Шутя, болтая ни о чем,
За подосиновым, за белым
Обратным светом и пойдем.

Текст *Нины Виноградовой*, также опубликованный в журнале «Дети Ра» (n°6, 2020) построен на парадоксах, немалую роль в создании которых играют неточные и составные рифмы («собачкой – аптечка», «воспользоваться – по ночам и по лесу»). Стихотворение совершенно абсурдно и этим очаровательно.

* * *

Пробегает летний день маленькой собачкой,
в будяках и пыли мятной, как домашняя аптечка.
Время лечит слезный дар, затыкает течи,
и кусает белых яблок налитые плечи.
Будто туча! Даже стыдно жить в таком высоком свете,
чувствуешь себя свиньей, что не смог воспользоваться,
не промчался по Венеции в золотой карете,
а злился, рыскал, аки волк, по ночам и по лесу.

Поэзия *Ани Векслер*, которую можно прочесть в журнале «Звезда» (n°8, 2020) очень музыкальна и певуча. Выбранное мной стихотворение полностью построено на созвучиях – и, если в реальной жизни между Моцартом и Модильяни разница огромна (если не учитывать того, что оба гении), то в пространстве текста они, такие разные по жизни, сведены воедино и становятся собратьями по звучанию.

БЕЗ ХРОНОЛОГИИ

Проступая то и дело,
узнаны в тумане
Амадей и Амедео –
Моцарт, Модильяни.

Столь на слух неабсолютный
имена созвучны,
что в строке сиюминутной
вовсе неразлучны.

В их Европах осень летом:
облака угрюмы.
Зябко гениям, одетым
в легкие костюмы.

Амадей меж бед воспрянет:
дар, успех, забавы.
К Амедео смерть заглянет
накануне славы.

Пыл чутья и жар остудят
точки на два счета.
Врозь им на день смерти будет
тридцать пять всего-то,

из которых – ни момента
общности их душам:
ни совместного абсента,
ни двух чаш за пуншем.

Только судеб разночтенья,
беглые, как титры.
Только токи тяготенья
нот, смычков, палитры.

Подборка *Андрея Лебедева*, опубликованная в журнале «Зеркало» (n°56, 2020) похожа на путешествие на границе сна и

бодрствования, когда уже засыпаешь, но дневные образы все ещё танцуют перед закрытыми глазами, создавая сюрреалистичные картины. Очень важную роль в подборке занимает музыка: недаром лирический герой воображает себя то фортепиано, то иными музыкальными инструментами. Музыка и сон, вернее сон о музыке, сон музыки – всё в этих стихах подчинено звучанию, слова теряют свои семантические значения. Так, например, в части IV. Впечатления дня (*Куюста́ки дындэй ариу́ мя́киста арианова́*) они едва держатся на слабых нитях созвучий.

* * *

Есть первая стадия сна,
когда всё видишь и, кажется, понимаешь,
но уже не относишься заинтересованно,
а покидаешь зал.

По экрану мечутся тени,
герои нервничают и требуют продолжения,
сигают с обрыва в море...
Но ты их уже назвал.

Подборка Сергея Бирюкова, вышедшая в журнале «**Зинзивер**» (п°5, 2020) называется «Сквозь магический кристалл». И действительно, то, что видно читателю – это световые вспышки в магическом шаре, которые, преломляясь и расщепляясь, соединяются в новые звучания. Это лаборатория звука, полигон для испытаний, тигель, в котором автор переплавляет значения. Но это не звук ради звука, не красивость ради красивости – каждое соединение несет смысл.

СВЕТОВЕСТЬ

Вспоминая Лену Кацюбу

и свет и весть
и вести свет
святая весть
и света ветвь
ветвится свет
светится весть
на весь свет

но свет не весь
а весть на свет
как свет невест
но весть и свет
есть свет и весть

вестимо есть!

световесть

световесть

световесть

Стихи *Ирины Евсы* (журнал «Знамя», п°8, 2020) – отражение эпохи, страшное и одновременно прекрасное эхо действительности, которую и наблюдать тяжело и отвернуться невозможно. Мир неприкаян, в нём существуют вещи, один взгляд на которые ранит, но взгляд Ирины Евсы всеобъемлющ, он – зеркало, которые отображает всё, что попадает в него: и ужас, и красоту. Эта поэзия не нуждается в презентации – каждое слово говорит само за себя.

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ

И нервный, тонкокожий Авербах,
и песня про лихого уркагана,
и мальчики, в задраенных гробах
плывущие из душного Афгана,
и дружб неразведённые мосты,
и происки писательских шарашек,
и первый самиздат, которым ты
не столько счастлив был, сколь ошарашен;
и неуменье мыслить на заказ,
и строчек разудалая незрячесть,
и шпик, что целый год беспечных нас
отслеживал, за спинами не прячась;
дробленье судеб и мельчанье зла,
зато деталь очистилась от плевел:
вот гусеница грузно проползла,
вот под углом пчела ввинтилась в клевер;
и мы, как рыбы тусклые текли
в полуистлевшем золоте распада,
и наспех нерестились на мели,
не помня с кем, не ведая, как надо,
в недвижный воздух тычась, как в стекло,
не чуя дна, не веря тем, кто сзади;
и, Боже правый, сорок лет прошло,
а трещина всё та же на фасаде,
и городская блёклая сирень
колеблется, своей стесняясь тени,
и снова на растяжке, как Сорель
стендалевский, душа в нестойком теле,
и гласные в затверженных азах
бессильны без наличия согласных,
и мальчики кровавые в глазах
пожизненно коней купают красных.

Также моё внимание снова привлекла подборка *Евгения Вольперта*, опубликованная в журнале «Знамя» (n°8, 2020). В выбранном мной стихотворении показан день Благодарения наоборот: вместо праздника единства, благодарности и благополучия здесь можно увидеть почти первобытную вражду. И правда, чего можно ожидать от мира, где, вместо примирения и разделения трапезы, «в гости люди ходят, чтобы собирать скальпы»?

ДЕНЬ БЛАГОДАРЕНЬЯ

в День Благодаренья
собаки бегают на кухню
воровать куриные ноги и сладкий картофель
что бы ни упало с тарелки
исчезает в их прожорливых глотках
собаки бегают по дому
выволакивают из-под мебели прошлогодние скальпы
рвутся к окнам облаивать почтальона
за окном соседи вывешивают флаги
подают мне знаки, показывают скальпы
близко не подходят
знают, как метко я бью из винтовки
я им тоже подаю знаки
вижу, вижу вас, хватит кривляться
с праздником вас тоже и всё ваше семейство
в прошлом году они вели себя особенно мерзко
распевали песни в неурочное время
крали почту и травили собаками почтальонов
выводили детей к ограде и ими хвалились
разумеется, было обидно
по ночам мы ходили к ним в гости
в гости люди ходят, чтобы собирать скальпы
в День Благодаренья мы показываем скальпы соседям
чтобы напомнить им, что они потеряли
благодарим своего Творца за то, что он живёт в нашем доме
кормим его с каждой тарелки
показываем ему соседские скальпы
чтоб он видел, как смешны они и ничтожны
просим его не помогать им плодиться
просим его не выходить из дома
просим его затянуть нам раны
просим его зарастить нам плечи

Мне очень понравилось долгое дыхание поэзии *Марины Курсановой* (журнал «Знамя» (n°8, 2020) с её интонацией, которую невозможно подделать – только прожить, пронести у сердца. Стихи Марины несуетливы, они похожи на легкое покачивание ветки, на

мерное падение снега, им присущ некоторый стоицизм, когда жизнь воспринимается как «жизнь как бунт — и праздник хором/ и частый тяжкий хмель, и труд, и мрак, и корм».

* * *

А что мне? – я ведь плющ, расслабленная ветка,
без почвы и коры, без дорогих цветов...
Из детства: книги, глушь, снег Воркуты – из детства –
ночь, мёрзлые дворы, колонка, связка дров.

Мне сказки не плели у шаткой раскладушки,
и в клубе не блистал прославленный ансамбль –
но жили как могли приятели-подружки,
и связывала плеть, и твист народ плясал.

Здесь не было листвы, здесь не было деревьев,
здесь жил рабочий класс, и эски, и конвой,
родители мои, поэт-полковник Гремин,
шофёр Илья – и я, и мой сурок со мной.

Охотились. Дрались. Всё как везде. Но холод,
но вечная метель и без просвета сон
определяли жизнь как бунт – и праздник хором,
и частый тяжкий хмель, и труд, и мрак, и корм.

Мне «детство» не сказать. Волк выкормит младенца –
И он заложит Рим, доспехами звеня.
Мне ничего не жаль. Вот разве: детство, сердце.
Вот разве: утро, дым да рощу у ручья...

О стихах *Семёна Крайтмана* можно говорить долго. В журнале «Интерпоэзия» (n°3, 2020) опубликована новая подборка автора, которая не могла остаться без моего внимания. Порой мне кажется, что Семён пишет одно-единственное стихотворение, настолько всеобъемлющее, что оно охватывает всё бытие. Этот текст преисполнен благодарности и светлого принятия как жизни, так и смерти в их неразрывном единстве.

* * *

виноградною ягодой
в серой сухой пыли
перегретую жизнь и других муравьев тревожа...
в близорукую мягкость, свет до краев залив,
спрятав его под янтарную тонкой кожей,
стану двигаться на закат...
на «когда-нибудь», на «потом»...
клянясь в пояс родителю за покатость,

за сутулость,
за спину, которая «колесом».
в темно-красном своем
будет петь для меня мой Танатос,
но главы не склоню,
круглый такой герой.
сладкозвучной слезой
прольюсь под его ногою...
«виноградные кости свои
в теплую землю зарой».
виноградные кости свои
в теплую землю зарой.

В журнале «Крещатик» (№3, 2020) вышла замечательная подборка *Григория Стариковского*. Эти стихи поражают свободой и естественностью, с которой предметы перетекают из одного состояния в другое, так, что кажется, природа вещей именно такова, какой её изображает автор. Мир Григория воспринимается синестетично (/лиственный свет пологий/), он очень живой и дышащий, и самое главное – ему сразу и безоговорочно веришь.

* * *

воздух, куда девались ямочки на твоих щеках,
мягкая поросль на скулах и подбородке,
тепло твоего дыхания, лиственный свет пологий,
теплая бесконечность всего, когда ты склонялся
над древесной корой, еще не замшелой,
не заезженной полозьями времени,
и читал, и читал ее, и лебеди плавали по двое,
и круги по воде расходились медленней,
и горлица в можжевельнике спрашивала: «куда ты?»
и другая всхлипывала: «туда, туда, туда».

Поэзия *Игоря Джерри Кураса*, также опубликованная в журнале «Крещатик» (№3, 2020), очень интертекстуальна. Начало стихотворения звучит многообещающе, оно уже подталкивает читателя к ложным интерпретациям, но вслед за хрестоматийно пушкинским «Я вас любил» пафос идёт на снижение. И одуванчики – не одуванчики, а девочки Дега, и клёны зеленеют кувшинками Моне – вся это образность, вместе с мелодичностью, и создаёт очарование этих стихов.

* * *

Я вас любил –
и далее, по тексту.
Поля меняли травы на снега,
и одуванчики –

готовы к бегству –
взлетали вдруг, как девочки Дега,
когда б они пустились вдруг в бега.

Я вас любил –
из-под земли пионы
невинные струились по стене –
и медленные зеленели клёны
на фоне звёзд
кувшинками Моне,
когда бы мы их видели извне.

Я вас любил –
седые книгочеи
сидели в старой лодке на мели,
пока я вам вытаскивал камеи,
которые –
полотнами Дали –
совсем иначе виделись вдали.

Стихи *Юлии Пикаловой*, которые можно прочесть в журнале «Нева» (n°6, 2020), на первый взгляд могут показаться очень лёгкими, игровыми – сбивает с толку и «несерьезный ритм», и считалочка, вынесенная в эпиграф. Но реальность страшна, смерть близко, человек живет «над пространством прокаженным», и единственное, что обещает даже не спасение, но возможность обрести смысл – это поэзия.

СЧИТАЛОЧКА НА СОН

Снова в жертву, как ягненка,
Темя жизни принесли.
Мандельштам

В черной-черной комнате...
Из детских страшилок

Ничего не говори мне!
Вот и первая строка:
Между Сциллой и Харибдой
Проплывают облака.
Под простынькой обнаженным
Человек лежит и ждет.
Над пространством прокаженным
Пролетает самолет.
Все заданья нынче – на дом.
Забиваемся в нору
И спрягаем, коли надо:
«Ты умрешь, и я умру».

На немецком, на иврите
С крошкой сыном и отцом –
«Да и Нет не говорите
И не трогайте лицо».
И пускай течет с экрана
Сводок черная река,
Апокалипсису – рано.
Не сегодня. А пока –
Без усилия, без плана –
Полпоэмы на столе.
Спи давай, моя Светлана.
Что нам делать на земле.

И завершаю свой обзор замечательными стихами *Феликса Чечика*, опубликованными в журнале «Урал» (n°7, 2020), которые я перечитывала снова и снова, не в силах оторваться. Поэту удаётся писать о страшном и грустном, не давя на жалость, вспоминать о прошлом, не скатываясь в сентиментальность. Это стихи, в которых «голос Блока и аиста» стоят в одном ряду, словно между ними можно поставить знак равенства. Да и Лена Сорокина – чем вам не Дева Мария с младенцем в руках?

* * *

Помнишь Лену Сорокину?
Помню, в сердце таю!
Как последние строки у
немоты на краю.
Помнишь, липы цветущие
по-над речкой – тихи,
разделённую! – ту ещё!
те ещё – не стихи?
Помнишь ночь бесфоновую
и свеченье стыда?
Рифму вечную парную:
«кровь-любовь» навсегда?
Помню, не забывается, –
на скрижалях судьбы:
голос Блока и аиста
над деревней Колбы.
Все просрочены сроки на
целый век – боль и страх...
Здравствуй, Лена Сорокина
и младенец в руках!